Популярная Библіотека

Н. А. Рубакинъ.

Кораллы и Люди.

Странное сказаніе изъ жизни далекаго Востока.

Рабочее Книгоиздательство

КОРАЛЛЫ и ЛЮДИ.

КОРАЛЛЫ И ЛЮДИ.

Старинное сказаніе изъ жизни далекаго Востока.

Далеко-далеко отъ насъ, въ жаркой странѣ, есть большой и прекрасный островъ.

Надъ нимъ раскинулось блестящимъ шатромъ ярко-голубое небо. Объ его каменистые берега разбиваются голубыя и зеленыя волны океана. Красивыя, причудливо зазубренныя скалы, то бѣлыя, то желтыя, то красныя, едва-едва видны изъ-за густой зелени рощъ, садовъ и лѣсовъ, покрывающихъ горы и долины, и холмы. Кое-гдѣ прерываются рощи, и лѣса, и между ними разстилаются роскошные поля, луга и плантаціи, въ изобиліи покрытые плодами земли и рукъ человѣческихъ. Тонетъ въ зелени густыхъ садовъ большой городъ, раскинувшійся на берегу моря. Бѣлые дома съ плоскими крышами словно купаются въ зелени. Высокіе изящные минареты и разноцвѣтные куполы мечетей словно врѣзываются въ небо. Огромный, роскошный дворецъ съ узорчатыми и зубчатыми башнями высится надъ домами города и царитъ надъ ними, подавляя ихъ своею красотой, могуществомъ и величіемъ.

Круглый годъ солнце стоитъ высоко надъ островомъ. Круглый годъ его лучи и грѣютъ, и освѣщаютъ землю, предохраняя прекрасный островъ отъ морочныхъ зимъ, отъ снѣговъ и метелей. Зима и холодная осень совсѣмъ неизвѣстны жителямъ острова.

Поля, луга и пальмовыя рощи тянутся отъ берега океана до самыхъ горъ. Кое-гдѣ, на скалахъ и въ тѣснинахъ, пріютились

соломенныя хижины деревень. Онѣ сбились въ кучу и какъ бы прижались одна къ другой, тѣснясь и выползая все выше и выше по непривѣтливымъ и безплоднымъ склонамъ каменистыхъ горъ. Деревушки едва-едва видны съ берега моря, потому что онѣ такія же сѣрыя и желтыя, какъ и скалы и склоны горъ.

На поляхъ и лугахъ, въ пальмовыхъ рощахъ и на плантаціяхъ, отъ самаго восхода солнце и до вечерней зари копошатся и работаютъ люди.

Лѣтомъ немилосердно печетъ ихъ солнце. Въ дождливое время года поливаетъ ихъ дождь. Иногда проносятся надъ островомъ страшные ураганы и грозы. А люди все копошатся да копошатся, все работаютъ да работаютъ. Каждый день нужда выгоняетъ на работу многочисленную, полуголодную толпу. Темнокожіе люди, худые, полуобнаженные, выползаютъ изъ своихъ хижинъ и идутъ кто куда,—кто въ лѣсъ, кто на поля и плантаціи, кто въ каменоломни. Вѣтерокъ, дующій съ моря, плохо освѣжаетъ лѣтомъ этихъ людей. Грубая ткань, обмотанная вокругъ пояса, плохо защищаетъ ихъ отъ солнечныхъ палящихъ лучей, отъ вѣтра и отъ проливного дождя, Сильно мучаетъ ихъ жажда, а нерѣдко и голодъ. Но люди все работаютъ да работаютъ, съ утра до ночи, изо дня въ день, изъ года въ годъ, изъ столѣтія въ столѣтіе, работаютъ сегодня, какъ вчера,—теперь, какъ и сотни лѣтъ назадъ...

Подъ волнами моря, недалеко отъ острова, на прибрежныхъ подводныхъ скалахъ и на морскомъ днѣ, съ незапамятныхъ временъ поселились кораллы.

Поселились многіе милліоны и билліоны существъ, которыхъ ученые люди называютъ полипами.

Есть такіе полипы, которые даже не видны простымъ глазомъ, безъ увеличительнаго стекла. Есть полипы и большіе. Есть полипы разнаго рода и разнаго цвѣта,—красные, зеленые, сѣрые, бѣлые, пестрые. Есть такіе, которые живутъ въ одиночку, есть и такіе, которые сидятъ гнѣздами или толпами, многія тысячи полиповъ одинъ рядомъ съ другимъ.

И всѣ они живутъ подъ волнами моря, тамъ, гдѣ волны разбиваются о берегъ, гдѣ есть для нихъ довольно свѣта и тепла. Полипы живутъ—и работаютъ.

Они работаютъ быстро и неустанно. Ихъ работа не прекращается ни ночью, ни днемъ. И эта ихъ работа удивительная особенная, невѣроятная.

У полиповъ нѣтъ ни рукъ, ни ногъ, ни головы, ни мозга. Каждый полипъ похожъ на простой мѣшочекъ, у котораго одинъ конецъ—слѣпой, а другой—открытый. Нижнимъ, слѣпымъ концомъ полипъ сидитъ на землѣ, а верхній, открытый, служитъ ему вмѣсто рта.

Вокругъ этого рта есть у полипа особыя щупальцы. Такихъ щупалецъ у нѣкоторыхъ породъ полиповъ бываетъ очень много, а у другихъ породъ—мало. Есть такіе полипы, которые кое-какъ ползаютъ съ помощью этихъ щупалецъ по морскому дну, но еще больше такихъ, которые весь свой вѣкъ сидятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ.

Они сидятъ и поджидаютъ, когда вода принесетъ прямо къ ихъ рту то, что нужно имъ для ѣды. Сидитъ полипъ да пошевеливаетъ своими щупальцами. Если подплыветъ къ нему какая-нибудь добыча, напримѣръ, маленькая рыбка или слизнякъ, или иное что, полипъ тотчасъ высягиваетъ свои щупальцы и хватаетъ ими добычу, и втягиваетъ ее цѣликомъ къ себѣ въ ротъ.

Полипъ на пищу и не взыскателенъ. Онъ питается всякими остатками, которыхъ всегда много въ морской водѣ. Плаваютъ тамъ въ изобиліи маленькіе кусочки мертвыхъ растеній и животныхъ, водится тамъ множество маленькихъ-маленькихъ живыхъ существъ,—все это идетъ въ пищу полипамъ. Все это попадаетъ къ полипу въ ротъ вмѣстѣ съ водой. Полипъ отцѣживаетъ воду, а пищу оставляетъ внутри.

Есть породы полиповъ, которые совершаютъ великую, невѣроятную работу: они строятъ изъ извести настоящія каменныя скалы, гряды, и холмы, даже высокія подводныя горы, даже огромные острова.

Есть на землѣ великое множество такихъ острововъ и скалъ, которые построены полипами еще въ незапамятныя времена.

Да, маленькіе слизистые, нѣжные полипы строятъ горы и острова. Въ этомъ и состоитъ ихъ настоящая работа, ихъ великое, многовѣковое дѣло.

Какимъ же способомъ работаютъ полипы?

Они добываютъ известь изъ морской воды *). Известь копится внутри ихъ тѣла, въ самыхъ стѣнкахъ мѣшочка-полипа и въ подошвѣ, то есть, слѣпомъ концѣ его. Больше и больше копится, осѣдаетъ извести,—и растетъ известковое подножіе полипа, а внутри тѣла дѣлается изъ извести какъ бы его скелетъ. На одномъ и томъ же подножіи живутъ и размножаются не одинъ, а многое множество полиповъ. Потихоньку да понемножку отъ ихъ работы подножіе растетъ, дѣлается длиннымъ, широкимъ, вѣтвистымъ, словно древесный стволъ. Этотъ стволъ растетъ и вверхъ, и въ ширину, и вправо, и влѣво, смотря по тому, какъ сидятъ на немъ полипы-работники. Мало-по-малу сооружаютъ для себя полипы прекрасное, раскидистое известковое жилье, похожее на настоящее дерево, то бѣлаго, то краснаго, то иного цвѣта. На этомъ деревѣ и на стволѣ его, и на вѣтвяхъ, сверху до низу сидятъ въ небольшихъ ямочкахъ полипы. Въ корѣ известковаго ствола, отъ полипа къ полипу, идутъ особыя трубочки-каналы. Эти трубочки-каналы соединяютъ всѣхъ полиповъ въ одну дружную семью-родню. Ни одинъ полипъ не сидитъ отдѣльно отъ другихъ,—всѣ они соединены такими трубочками другъ съ другомъ.

Хоть и не могутъ полипы передвигаться по своему известковому стволу, все же они могутъ поддерживать другъ друга,—все же они сообщаются между собою съ помощью трубочекъ-каналовъ.

Въ этихъ трубочкахъ-каналахъ хранятся у полиповъ общіе запасы ѣды.

Что внутри полипа—то его собственное, что внутри трубочки-конала, то у всѣхъ полиповъ общее.

Удивительно идетъ жизнь въ каменномъ городкѣ—кораллѣ. Полипы, которые сидятъ на немъ, работаютъ день и ночь, отъ своего появленія на свѣтъ до самой смерти. Имъ много работы. Они вылавливаютъ известь изъ морской воды и складываютъ ее въ одно мѣсто. Они добываютъ пищу—и каждый для себя, и всѣ для всѣхъ.

Выростаютъ известковые кораллы самой причудливой, страной формы. Иные кораллы похожи на раскидистые кусты,

другіе похожи на вѣтвистыя деревья, третьи—на окаменѣвшія чашечки грибовъ. Иные имѣютъ какой-нибудь другой странный видъ. На прибрежныхъ скалахъ, подъ волнами моря, выростаетъ понемногу настоящій лѣсъ кораллов. Въ этомъ подводномъ каменномъ лѣсу есть деревья, надъ сооруженіемъ которыхъ работали сотни тысячъ маленькихъ полиповъ. Морское дно между кораллами покрыто остатками и обломками ихъ. На этихъ обломкахъ сидятъ морскія водоросли, раки, морскія звѣзды, черви, голотуріи-кубышки, раковины и другіе обитатели морей. Между ними плаваютъ рыбы, медузы и великое множество другихъ веществъ. Иные изъ этихъ существъ—страшные враги полиповъ. Они набрасываются на нихъ и поѣдаютъ ихъ. Но и полипъ чуетъ опасность, хотя у него нѣтъ ни глазъ, ни ушей. Онъ чуетъ ее по движенію воды около него, и лишь только онъ подмѣчаетъ опасность, какъ тотчасъ же съеживается, складываетъ щупальца и весь уходитъ въ свою известковую ямочку на коралловомъ стволѣ.

Кромѣ опасности отъ враговъ, полипъ не знаетъ другихъ опасностей. Ему неизвѣстенъ холодъ, потому что воды южнаго моря, на той глубинѣ, на которой живутъ полипы,—воды теплыя. А голодъ совсѣмъ даже не страшенъ полипамъ. Они справляются съ нимъ соединенными силами, борятся сообща. Для всѣхъ голодныхъ полиповъ во всякое время открыты запасные склады коралла—трубочки-каналы, которые идутъ отъ полипа къ полипу. Изъ этихъ складовъ въ случаѣ голода, любой полипъ можетъ добыть для себя столько пищи, сколько ему потребуется. Нерѣдко случается такъ, что всѣ полипы, сидящіе на одномъ и томъ же кораллѣ, успѣваютъ поймать себѣ добычу: иной разъ за цѣлый день работы и ожиданія, не подплываетъ къ полипу никакой подходящей ѣды. Пошевеливаетъ онъ, пошевеливаетъ щупальцами,—и все же не удается ему поймать никакой добычи. Полипъ голоденъ,—зато есть на кораллѣ много другихъ полиповъ, которые сыты и которые удачно провели свой день—наловили добычи, передѣлали ее въ своемъ желудкѣ въ особый питательный сокъ, оставили этого сока сколько нужно для себя, а ненужный имъ остатокъ черезъ особое отверстіе въ своей подошвѣ, спустили въ запасной магазинъ. Никогда не бываетъ такъ въ царствѣ коралловъ, чтобы запасные магазины совсѣмъ стали пусты. Всегда тамъ есть довольно запасовъ, пока лишь живы кораллы и пока они работаютъ. Всякій голодный и неудачливый полипъ можетъ, ни у кого не спрашиваясь и ни у кого не покупая и не отнимая, забирать

въ свою пользу ту ѣду, которую спустили въ запасный магазинъ другіе полипы, сытые и удачливые. Если полипъ голоденъ, онъ раскрываетъ проходъ изъ своего желудка въ запасной магазинъ и насасываетъ себѣ оттуда столько пищи, сколько ему нужно. Потому не полипы умирали съ голоду. Кому сколько нужно, тотъ столко и взялъ. Кто сколько могъ, тотъ столько и далъ. Дружно живутъ полипы, дружно работаютъ.

Есть такіе полипы на кораллѣ, которые словно уродились счастливыми. Быть можетъ, эти полипы поживѣе, половчѣе и способнѣе другихъ. Быть можетъ, они сидятъ на болѣе удобномъ мѣстѣ коралла, гдѣ напримѣръ, свѣта больше и тепла, гдѣ вода подвижнѣе, или гдѣ маленькихъ морскихъ веществъ водится больше. И въ царствѣ полиповъ бываетъ такъ, что добываютъ себѣ пищу не всѣ одинаково: кто больше, кто меньше, кто лучше, кто хуже. Иные и уродились такими, что совсѣмъ не могутъ добыть себѣ пищи, а къ другимъ, отъ самаго появленія ихъ на свѣтъ, сама пища такъ и ползетъ въ ротъ. Иныхъ полиповъ изуродовали ихъ враги—хищныя рыбы, раки и другія животныя, которыхъ всегда живетъ много въ коралловомъ лѣсу. Случается такъ, что многіе полипы такъ и живутъ кое-какъ, израненные, обглоданные, искалѣченные, неспособные къ работѣ. Но и голоднымъ, и больнымъ, и израненнымъ не худо живется въ царствѣ полиповъ. Имъ не приходится терпѣть долгихъ страданій, потому что въ этомъ царствѣ способные работаютъ на неспособныхъ, сытые на голодныхъ, сильные на слабыхъ. Кто больше наловилъ добычи, тотъ и самъ поѣлъ до сыта, и другимъ далъ. Наѣдаться до пресыщенія полипы не умѣютъ; дѣлать запасы для однихъ только себя—не могутъ. Такъ идетъ вся ихъ жизнь и работа, что приходится имъ жить въ тѣсномъ товариществѣ, дружно, объединенно. Каждый полипъ живетъ и для себя, и для другихъ. Всѣ работаютъ для всѣхъ, не дѣлясь и не считаясь, кто сколько сдѣлалъ. Полипъ и себя не обижаетъ, и другихъ спасаетъ отъ гибели. Если ужъ выпалъ такой счастливый случай на чью-нибудь долю, то избыткомъ попользуется не одинъ только удачникъ-полипъ, а и всѣ другіе, захудалые, неудачные. Сколько полипъ можетъ, столько и отдаетъ. Ничего невозможнаго, непосильнаго съ него никто не требуетъ. Каждый работаетъ по своимъ силамъ.

И живутъ себѣ полипы подъ волнами бушующаго моря, живутъ и работаютъ. Нѣтъ у нихъ голодныхъ,—всѣ сыты. Нѣтъ убогихъ,—всѣ быстро здоровѣютъ, поправляются на хорошей и достаточной ѣдѣ.

Идутъ года за годами. И растетъ себѣ да растетъ коралловый лѣсъ. Кораллы дѣлаются большими, вѣтвистыми. Вѣтви ихъ сливаются, сталкиваются между собою. Подъ такими вѣтвями находятъ себѣ пріютъ другіе обитатели морей. И растутъ коралловыя постройки. Онѣ выростаютъ у самыхъ береговъ, сплошной стѣной окружаютъ острова. Иногда же онѣ выростаютъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега. Коралловыя постройки тянутся въ иныхъ мѣстахъ моря на десятки и даже на сотни верстъ, и все еще растутъ да растутъ. Растутъ до тѣхъ поръ, пока силы могучія, подземныя, не поднимутъ ихъ выше волнъ морскихъ или не опустятъ глубоко-глубоко подъ воду, на такую глубину, гдѣ не могутъ жить полипы безъ свѣта, воздуха и безъ тепла.

Тогда наступаетъ смерть полипамъ. А пока они живы—они работаютъ да работаютъ, стихійно, дружно, объединенно, всѣ для одного, одинъ для всѣхъ.

***

Много сотенъ и тысячи лѣтъ работаютъ полипы у береговъ прекраснаго острова.

Островъ этотъ назывался Аки-Агренаръ, что значитъ на языкѣ темнокожихъ людей, его обитателей,—«Островъ счастливой жизни».

Назывался онъ такъ потому, что очень былъ счасливъ славный султанъ Сеидъ Гассанъ, могучій повелитель этого острова. Еще счастливѣе былъ его сынъ, наслѣдникъ престола, храбрый Ахметъ, а всѣхъ счастливѣе его дочь, шестнадцатилѣтняя красавица Фатимэ.

Но не только султан и его семья были счастливцы на прекрасномъ островѣ. Хорошо текла жизнь и родственниковъ султана и его приближенныхъ, текла среди богатства, наслажденій и среди надеждъ на грядущее, еще большое счастье.

Султана Сеидъ Гассана всѣ окружающіе народы звали „Великолѣпнымъ». Слава султана Сеидъ Гассана гремѣла на всемъ

океанѣ, въ близкихъ и дальнихъ странхъ. Онъ—покоритель сосѣднихъ острововъ, побѣдитель многочисленныхъ враговъ. Славный Сеидъ Гассанъ прошелъ огнемъ и мечемъ всѣ сосѣднія острова, сжегъ деревни и города, сложилъ изъ человѣческихъ череповъ высокія башни, привелъ съ собой тысячи плѣнныхъ которыхъ сдѣлалъ рабами, захватилъ несмѣтныя сокровища и богатства, которыми полнымъ-полны его многочисленные дворцы и кладовыя. Великолѣпенъ былъ Сеидъ Гассанъ, совершая свои подвиги, которыми онъ прославилъ себя на всѣ вѣка, для всѣхъ временъ. Султанъ былъ мудръ и прекрасенъ, и величественъ. Онъ зналъ кого какъ любить, кого какъ дарить, кого какъ казнить и миловать.

— Я добръ,—говорилъ о себѣ славный Сеидъ Гассанъ.— Я добръ безконечно! Я вѣдь могъ бы казнить всѣхъ, всѣхъ кого бы ни захотѣлъ. И это было бы исполнено. Но я, по своей добротѣ, не желаю этого дѣлать. Пусть всѣ живутъ и чувствуютъ всю мою доброту и величіе.

А когда султанъ говорилъ «хочу»,—это означало то же, что «могу». Онъ чувствовалъ, онъ сознавалъ это, и самодовольная улыбка играла въ эти минуты на его красивомъ лицѣ, и онъ со слезами благодарилъ Аллаха за то, что Аллахъ такъ хорошо устроилъ жизнь. Не въ его ли лицѣ Аллахъ показываетъ всему міру, до какой высоты счастья можетъ дойти человѣкъ на землѣ?

Счастливъ былъ и наслѣдникъ славнаго султана, Ахметъ. И его наградилъ Аллахъ счастьемъ отъ самаго рожденія. Не успѣлъ онъ родиться, а счастье уже поджидало его, потому что было заготовлено для него еще задолго до его рожденія. Никто не спрашивалъ, хорошъ онъ будетъ или худъ, достоинъ или не достоинъ, уменъ или не уменъ. Всѣ были увѣрены, всѣ говорили, что онъ и достоинъ, и уменъ, и хорошъ; придворные ученые говорили, что и по наукѣ такъ быть должно, и доказывали это многими способами; поэты слагали въ его славу и хвалу чудныя пѣсни, имамы (священники) рылись въ старинныхъ священныхъ книгахъ и находили тамъ тысячи разныхъ доказательствъ, что такое счастье соотвѣтствуетъ и благости, и справедливости, и любви къ людямъ премудраго Аллаха. Ахметъ такъ же, какъ и его отецъ, говорилъ «хочу», но послѣ этого слова онъ задумывался и прибавлялъ: «не только хочу, но и смогу, когда воля Аллаха поставитъ меня на мѣсто моего отца»...

Но счасливѣе всѣхъ, какъ сказано, была прелестная сестра Ахмета, черноглазая красавица Фатимэ. Все, что она хотѣла, у нея было. Стоило ей только пожелать чего-нибудь—и ея желаніе немедленно исполнялось: скакали гонцы, работали головы, руки, ноги; сотни верстъ были нипочемъ, если нужно было что-нибудь добыть изъ-за тридевяти земель; сотни людей бросали прежнюю свою работу и принимались дѣлать то, что было нужно, чтобы угодить прекрасной Фатимэ.

— Милые славные люди!—шептала дѣвушка, и слезы показывались на ея прекрасныхъ, добрыхъ глазахъ.—Они считають себя счастливыми, потому что работають на красавицу Фатимэ.

— Да, да, они цѣнятъ великое счастье, которымъ наградилъ ихъ Аллахъ!—говорили подруги и служительницы Фатимэ.

Красавица давнымъ-давно знала, что островъ Цейлонъ славится жемчугомъ, Кашмиръ—бирюзой, что очень вкусны кашгарскія яблоки и великолѣпныя кабульскіе ковры, и пріятенъ ароматъ аравійскихъ травъ. Фатимэ знала, что въ каждомъ уголкѣ земли навѣрно найдется что-нибудь такое, что увеличиваетъ человѣческую красоту и уменьшаетъ неудобства человѣческой жизни. И объ удобствахъ Фатимэ заботились, можно сказать, и день, и ночь, не только она сама, но и отецъ, и братъ и приближенные султана, и слуги, и слуги этихъ слугъ, и жители городовъ, и жители деревень, и всѣ помогали удобству и счастью ея жизни чѣмъ кто могъ, кто какъ могъ и умѣлъ...

Съ незапамятныхъ временъ такъ велось на островѣ,—и при отцахъ, и дѣдахъ, и при прадѣдахъ. «Ахъ, какое счастье любить свою родину и жертвовать ей всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ! Слава тѣмъ, кто ставитъ счастье своего султана и своей родины выше своего счастья! Да благословитъ того Аллахъ и да вкуситъ его душа всѣ наслажденія рая».

Нѣжная душа Фатимэ чувствовала, что если бы не было на свѣтѣ Сеидъ Гассана, ея великолѣпнаго отца, и брата Ахмета, и другихъ славныхъ и могучихъ людей прекраснаго острова Акп-Агренара, не было бы и этого счастья, которое они доставляютъ такимъ способомъ всѣмъ людямъ всѣхъ окружающихъ странъ.

Одно только было горе у Фатимэ: по молодости лѣтъ, по неопытности жизни, она еще не совсѣмъ умѣла хотѣть. Другіе люди, ее окружающіе, то и дѣло хотѣли то того, то другого, то пятаго, то десятаго; вѣчно они чего-нибудь хотѣли,—то почестей, то славы, то наслажденій, то богатствъ. Одну только Фатимэ перестали уже прельщать и почести, и слава, и богатство. Потому единственнымъ занятіемъ Фатимэ было радовать самое себя: придумаетъ она иной разъ что-нибудь необычное и обрадуется,—какъ это странно и какъ хорошо! А когда ея желаніе понемногу исполнялось, она радовалась еще больше, радовалась до тѣхъ поръ, пока не осуществлялось наконецъ вполнѣ ея желаніе. Радовалась она нѣкоторое время и послѣ этого, но скоро затѣмъ переставала радоваться и принималась скучать и искать другихъ источниковъ радости. И если она подолгу не находила ихъ, то чувствовала себя очень и очень несчтсной...

**
*

Однажды утромъ Фатимэ проснулась очень рано. Она полураскрыла свои глазки, сладостно потянулось; улыбка заиграла на ея губкахъ, такая радостная, нѣжная улыбка.

Нѣжный вѣтерокъ шевелилъ шелковыя занавѣски окна, выходящаго въ садъ. Сквозь окно были видны и море, и горы, и далекія деревни поселянъ, издали казавшіяся самыми уютными и мирными уголками земли. Въ саду зеленѣли мирты и олеандры, нѣжно качали своими верхушками изящныя финиковыя пальмы. Воздухъ былъ напоенъ ароматомъ розъ и орхидей. Издали доносилось щебетанье птичекъ, проникнутое такимъ веселымъ и счастливымъ настроеніемъ. Самой Фатимэ вдругъ захотѣлось тоже щебетать по птичьи, такъ же весело и беззаботно.

— Милыя птички! Какъ онѣ хорошо щебечутъ! Ну, не стыдно ли вамъ щебетать и порхать безъ дѣла, когда поселяне давно уже работаютъ на поляхъ.

Добрая Фатимэ очень часто вспоминала «тружениковъ-поселянъ». Ей очень нравилось вспоминать ихъ. Въ эти минуты она чувствовала, что она дѣвушка не только красивая, а и добрая.

Фатимэ вскочила съ пуховой атласной постели и подбѣжала къ окну. У самыхъ дверей, на полу, спала на роскошномъ смирнскомъ коврѣ чернокожая Мирра, любимая невольница Фатимэ. Мирра спала крѣпкимъ и счастливымъ сномъ, какъ и ея повелительница.

— Мирра! Мирра! зачѣмъ же ты спишь?—воскликнула Фатимэ.

Мирра въ испугѣ вскочила на ноги, словно совершила какое-то ужасное преступленіе. Еще бы! Она спала въ то самое время, когда госпожа ея уже поднялась. Развѣ такоцы должны быть добрыя рабыни? Какое тяжкое наказаніе ей грозитъ, если грозный султанъ узнаетъ о ея непочтительномъ нерадѣніи!

Фатимэ тотчасъ же догадалась, почему дрожитъ и о чемъ думаетъ Мирра.

— Не бойся, Мирра,—сказала она.—Я хочу быть очень доброй. Отецъ ничего не узнаетъ о твоемъ преступленіи.

Мирра упала на колѣни передъ Фатимэ.

— О, красота земли! О жемчужина Гвардарамы! Аллахъ создалъ тебя такою же прекрасной, какъ и доброй!

Мирра сказала свои слова отъ глубины своей души. Она искренно хотѣла быть самой лучшей и самой послушной рабыней, какія только требуются. Въ ея голосѣ были слышны искреннія, задушевныя нотки. Фатимэ подмѣтила ихъ. У нея въ душѣ тоже стало хорошо-хорошо. Еще бы,—вѣдь она сдѣлала несомнѣнно хорошее дѣло—спасла бѣдную, оплошавшую невольницу отъ справедливаго гнѣва своего грознаго отца повелителя, который каждое утро приходилъ къ ней и спрашивалъ, хорошо ли она спала и что она намѣрена дѣлать сегодня.

Мирра три раза ударила въ ладоши. Тотчасъ раздвинулись тяжелыя бархатныя занавѣси у дверей, которыя вели въ глубину дворца. Раскрылись тяжелыя рѣзныя, вызолоченныя двери. Въ сосѣдней комнатѣ послышались нѣжные звуки восточной музыки; это невольницы играли на особыхъ инструментахъ, похожихъ на арфу.

Началась торжественная церемонія умыванія и одѣванія прекрасной Фатимэ. Это было очень важное, какъ бы государственное дѣла. Къ этому дѣлу былъ приставлеъ цѣлый штатъ невольницъ и надсмотрщицъ, и надсмотрщиковъ надъ ними. Нѣсколько невольницъ должны были ходить беречь и чесать чудные волосы Фатимэ, другія—нѣжить и охранять отъ загара и пыли ея лицо, третьи были приставлены къ ней затѣмъ, чтобы отгонять отъ нея докучныхъ мухъ; многіе десятки невольницъ заботились объ ея одеждѣ, а еще больше невольницъ—объ ея время препровожденіи. Онѣ должны были занимать Фатимэ, придумывать для нея разныя развлеченія, дѣлать жизнь ея интересной и радостной, чтобы Фатимэ ни минуты не чувствовала, что время идетъ очень медленно. Жизнь непремѣнно должна быть для нея настоящимъ праздникомъ...

А Фатимэ все же не знала, что ей сегодня дѣлать, чего хотѣть.

— Мирра! Мирра!—воскликнула она и по ея прекрасному лицу пробѣжала грусть.—Ахъ, Мирра, я совсѣмъ не такъ счастлива, какъ это тебѣ, быть можетъ, кажется.

— О, алмазъ золотой короны! О, серебрянная звѣзда небосвода! Чего же тебѣ недостаетъ? Куда неустанно стремится твоя свѣтлая душа? Не всѣ ли блага вселенной доступны тебѣ, украшеніе свѣта?

— Нѣтъ, я сегодня несчастна! я не знаю, что мнѣ сегодня дѣлать и чѣмъ наполнить сегодняшній день; вѣдь у меня такъ много времени, такъ много, а я знаю, куда мнѣ его дѣвать...

— О, счастливѣйшая изъ смертныхъ! Твоя чистая душа глубока, словно небо въ лунную ночь! Чего же еще хочется тебѣ?

— Я право сама не знаю, чего я хочу. Но все же чего-то мнѣ недостаетъ. Я чувствую, что мнѣ какъ будто что-то нужно, очень нужно,—такъ нужно, что безъ этого я не могу и жить. Мирра, милая Мирра, скажи мнѣ, чего мнѣ еще не достаетъ?

Мирра нѣжно смотрѣла на Фатимэ и рѣшительно не знала, что сказать ей.

— Такъ ты знаешь? Не знаешь?—спросила Фатимэ.

— Не знаю!—въ смущеніи сказала Мирра, печально опустивъ голову. Она не рѣшилась сказать Фатимэ, что и не можетъ знать этого.

— Ну, подумай, хорошенько подумай, и скажи, чѣмъ могла бы я сдѣлать еще слаще мою жизнь?

— Не знаю! —сказала подумавъ, Мирра.

— Ну, кто знаетъ это? кто?—спрашивала Фатимэ.

Въ смущеніи стояли прекрасныя невольницы, переглядываясь между собой. Онѣ не знали, что сказать своей повелительницѣ.

Вдругъ Мирра подняла голову и, весело улыбаясь, сказала:

— Я знаю чего тебѣ недостаетъ. Я знаю!

— Ты догадалась, милая Мирра!—воскликнула Фатимэ.— Ахъ, какъ я счастлива! Какъ иногда трудно самой выразить то, что у тебя дѣлается въ душѣ! Ну, говори, говори скорѣе, чего мнѣ недостаетъ.

— Тебѣ не достаетъ,—сказала Мирра,—короны изъ краснаго коралла. О, жемчужина океана, какіе прекрасные кораллы растутъ теперь на глубинѣ морей! Я слышала о нихъ отъ моего отца, на моей далекой родинѣ. Кораллы эти растутъ глубоко подъ водой. Тамъ, въ глубинѣ, ихъ царство. Ахъ, какое это волшебное, чудное царство! Тамъ растутъ красныя каменныя деревья. Между ними плаваютъ золотыя рыбки, подъ деревьями живутъ огромные морскіе гады, змѣи и иныя чудовища. Глубоко-глубоко въ морѣ, говорятъ, растутъ очень большіе красные кораллы. Изъ такихъ коралловъ искусные мастера могутъ выточить прекрасную, удивительную корону. Вотъ если бы тебѣ добыть такую корону! Какъ красиво она сидѣла бы на твоей головѣ! Ты, красавица изъ красавицъ, была бы въ этой коралловой коронѣ еще красивѣе.

— Ахъ, какъ это хорошо! Какъ это необычно—корона, выточенная изъ краснаго коралла!—воскликнула Фатимэ.—Я очень, очень хочу имѣть такую корону! Ее можно украсить жемчугомъ, перламутромъ, изумрудами и бриліантами! Это будетъ такъ хорошо, такъ хорошо! Не правда ли, милая Мирра?

— Когда я была маленькой,—продолжала Мирра,—я видѣла такую корону. Ее носила на головѣ королева Озмеррійская. Что за чудесная это была корона! На ней были вырѣзаны изображенія какихъ-то чудесныхъ звѣрей и стихи изъ Корана.

— У меня будетъ корона еще лучше!—воскликнула Фатимэ надула губки. Ей было очень непріятно, что у кого-то на свѣтѣ уже была на головѣ корона изъ краснаго коралла.

— У тебя будетъ еще лучше!—сказала Мирра.

— Будетъ, будетъ лучше!—подтвердили другія невольницы.

* * *

Недалеко отъ прекраснаго острова Аки-Агренара, на морѣ, есть непривѣтливая скала, едва-едва поднимающаяся изъ подъ воды. Зовется она—Буруномъ Смерти. У этой самой скалы много разбилось кораблей, много погибло народу. Корабли налетали на скалу и тонули, потому что скалу трудно увидать изъ-подъ бушующихъ волнъ. Погибающіе въ волнахъ люди напрасно цѣплялись за нее,—ихъ смывали волны.

Рѣдкіе мореходы отваживались плыть мимо страшной скалы. Въ народѣ ходили разсказы о какихъ то привидѣніяхъ, летающихъ надъ нею при лунномъ свѣтѣ. Не отваживались къ ней плыть и ловцы ковралловъ.

Островъ Аки-Агренаръ окруженъ удивительными постройками ковралловъ. Но нигдѣ нѣтъ такихъ прекрасныхъ и большихъ ковралловъ, какъ у Буруна Смерти. Здѣсь растутъ и красные, и бѣлые, и сѣрые, и всякіе иные кораллы. Ничто и никто не мѣшаетъ здѣсь полипамъ работать, и работа ихъ здѣсь особенно плодотворна. Здѣсь прибой моря особенно силенъ, а работа полиповъ идетъ успѣшнѣе всего тамъ, гдѣ есть борьба моря со скалами. Стоячая вода—смерть для полиповъ. Въ стоячей водѣ полипы гибнутъ отъ недостатка воздуха. Воздуха гораздо меньше растворено въ водѣ стоячей, чѣмъ въ пѣнящихся волнахъ моря.

У Буруна Смерти все морское дно, до глубины двадцати-тридцати саженъ, покрыто коралловымъ лѣсомъ. Это странный и вмѣстѣ съ тѣмъ великолѣпный лѣсъ. Подъ его сводами и днемъ, и ночью царитъ темнота, а въ темнотѣ ютятся страшные осьминоги. Ихъ громадные неподвижные глаза блестятъ фосфорическимъ свѣтомъ и смотрятъ не мигая, а восемь длинныхъ щупалецъ, усаженныя присасывательными бородавками, вьются какъ змѣи, поджидая добычи. Горе тому смѣльчаку водолазу, кто попадется въ лапы осьминогу! Чудовище задушитъ и утопитъ его, присосется къ нему своими бородавками и будетъ такъ держать мертвеца не только по днямъ, а даже по недѣлямъ. Еще страшнѣе осьминоговъ страшныя зубастыя акулы. Эти рыбы плавали большими стадами у Буруна Смерти. Многіе ловцы ковралловъ, осмѣлившіеся когда-то попытать своего счастья у Буруна Смерти, поплатились за свою смѣлость жизнью. Мало-по-малу водолазы перестали посѣщать страшное мѣсто и искали счастья у другихъ береговъ, не такихъ опасныхъ.

Славный могучій султанъ Сеидъ Гассанъ, по прозванію Великолѣпный, повелитель острова Акп-Агренара, отдалъ строгій приказъ. Всѣмъ ловцамъ коралловъ, всѣмъ самымъ отважнымъ водолазамъ султанъ повелѣлъ искать и во что бы то ни стало найти подходящій кораллъ для короны красавицы Фатимэ. Во что бы то ни стало нужно добыть такой кораллъ, изъ котораго можно бы выточить цѣликомъ коралловую корону. Навѣрное есть такіе большіе кораллы гдѣ-нибудь въ глубинѣ моря.

Сотни лодокъ, и большихъ и малыхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ отправились на поиски большого краснаго коралла. Замелькали бѣлые паруса и красныя кормы судовъ вдоль береговъ прекраснаго острова Акп-Агренара. Въ лодкахъ сидѣли самые искусные водолазы, самые опытные ловцы. Кто ловилъ сѣтями, кто нырялъ. Ловцы коралловъ умѣютъ плавать и нырять словно рыбы. Обвязавъ свое голое тѣло веревкой, обхвативъ крѣпко ногами большой камень чтобы легче достигнуть дна, водолазы искусно спускаются на дно и въ полутьмѣ ищутъ тамъ того, что имъ нужно. Ихъ глаза привыкли къ морской водѣ, они видятъ и подъ водою. Чтобы защититься отъ акулъ, водолазы берутъ съ собой острый кинжалъ, привѣшиваютъ его къ поясу. Водолазы могутъ нырять сажень на 18 въ глубину; они умѣютъ по нѣсколько минутъ оставаться подъ водою. Они учатся своему дѣлу съ малыхъ лѣтъ; ихъ ремесло передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ отца къ сыну. Такимъ способомъ, съ незапамятныхъ временъ, сотни народу зарабатывали себѣ хлѣбъ насущный на прекрасномъ островѣ Акп-Агренарѣ.

Только у страшнаго Буруна Смерти не виднѣлось ни одной лодки. Какъ ни страшенъ могучій султанъ Сеидъ Гассанъ, и хотя его приказаніе—тотъ же законъ, какъ ни прельщаетъ награда, которую султанъ обѣщалъ самому искусному водолазу, но Бурунъ Смерти еще страшнѣе, чѣмъ угрозы султана, а собственная жизнь еще привлекательнѣе, чѣмъ его награда. Бурунъ Смерти—жилище привидѣній и злыхъ духовъ; Бурунъ Смерти — вѣрная гибель. Ни одинъ водолазъ не рѣшался плыть къ этому проклятому мѣсту, чтобы пробовать тамъ свое искусство.

* * *

Грозный повелитель острова Акп-Агренара былъ недоволенъ. Много дней, много недѣль работали водолазы, но нигдѣ

не нашли такого большого коралла, какой былъ нуженъ для короны прекрасной Фатимэ. Было вытащено со дна морского великое множество разныхъ коралловъ, но все это было не то, что нужно: то цвѣтъ былъ не тотъ, то величина не та. Всѣми этими кораллами Фатимэ осталась недовольна. Былъ недоволенъ и самъ Сеидъ Гассанъ.

Первый совѣтникъ султана, знатный и богатый вельможа Омеръ, подалъ ему благой совѣтъ,—попытать счастья на другихъ сосѣднихъ островахъ. Можетъ быть, тамъ найдутся большіе красные кораллы, изъ которыхъ можно выточить корону для прекрасной Фатимэ.

Полетѣли на придворныхъ судахъ посланники и гонцы на сосѣдніе острова; однимъ они понесли приказанія, другимъ просьбы. Закипѣла работа водолазовъ, ловцовъ коралловъ, на большихъ и малыхъ островахъ моря.

А Фатимэ въ это время волновалась и ожидала. Чѣмъ труднѣе было добыть подходящій кораллъ, тѣмъ больше ей хотѣлось имѣть его. Она... хотѣла, и всѣ окружающіе ее, вѣрная Мирра были очень довольны, что ихъ Фатимэ чего то—хочетъ. Только бы она хотѣла подольше да побольше;—не то вѣдь придется придумывать опять что нибудь новое...

Фатимэ хотѣла и ждала. Она была дѣйствительно добрая дѣвушка и не умѣла ни злиться, ни капризничать. Она умѣла только плакать и плакать и говорить каждую минуту: «Ахъ, какъ я несчастна! Даже такое мое желаніе не исполняется». Эти слова и слезы очень огорчали и отца, и брата, и Мирру, и другихъ невольницъ, и перваго вельможу Омера, и другихъ придворныхъ.

Фатимэ плакала, потому что подходящаго коралла не находилось и на другихъ сосѣднихъ островахъ, ни въ дальнихъ, ни въ близкихъ странахъ.

Всѣ отъ души жалѣли бѣдную Фатимэ, и никто не зналъ, что дѣлать, что предпринять.

**
*

Однажды до ушей перваго министра Омера дошла пріятная вѣсть: нашелся на паперти одной мечети старый?престарый нищій, который хвалился тѣмъ, что знаетъ, гдѣ можно добыть красный большой кораллъ.

Этотъ нищій самъ когда занимался ловлей кораловъ, но такъ какъ отъ такой работы никто еще не собиралъ запасовъ на черный день, то прежній ловецъ кораловъ, когда силы его пропали, а молодость прошла, сталъ волей-неволей просить милостыню. Это ремесло оказалось немного повыгоднѣе, чѣмъ ловля кораловъ: чтобы не умереть съ голода, хватало и милостыни, а просить ее можно было ничего не дѣлая. Ловля кораловъ давала пропитаніе совершенно такое же, какъ милостыня, ни хуже, ни лучше, но водолазъ, кромѣ того еще долженъ исполнять трудную и опасную работу.

Старый нищій пробовалъ когда-то свое искусство у береговъ страшнаго Буруна Смерти. Это было давно. Онъ былъ тогда молодымъ и сильнымъ человѣкомъ, у него тогда была семья,—жена и дѣти, и былъ свой домъ. Тогда онъ считался первымъ водолазомъ, самымъ искуснымъ ловцомъ. Онъ едва избѣжалъ смерти у страшнаго Буруна, но все же успѣлъ разглядѣть, какіе чудные кораллы водятся въ этомъ мѣстѣ. Онъ своими глазами видѣлъ красный кораллъ, котораго нельзя обхватить даже двумя руками. И такихъ коралловъ, тамъ не одинъ, а много.

Вѣрные слуги Омера безъ затрудненія отыскали стараго нищаго на его обычномъ мѣстѣ,—у паперти старой мечети. Его схватили и привезли къ Омеру, а для того, чтобы онъ сказалъ правду, дали ему десятка два палочныхъ ударовъ—для ободренія.

Старый нищій принялъ на свою высохшую, костлявую спину эти удары, какъ волю Аллаха. Онъ искренно былъ убѣжденъ, что люди, которые его били палками и волокли по улицѣ были настоящими посланниками посланника Божія или его вѣрнаго слуги на землѣ,—самого Сеидъ Гассана Великолѣпнаго. Старый нищій еще отъ самаго рожденія крѣпко вѣрилъ, какъ всѣ мусульмане, что «чему быть, того не миновать», иначе сказать, палочные удары по его старческой спинѣ еще на небѣ, въ книгѣ живота, для него были предписаны. Правда, онъ и безъ этихъ ударовъ разсказалъ бы султапу все, что зналъ о красныхъ кораллахъ, но на прекрасномъ островѣ Аки-Агренарѣ такъ просто никогда допросовъ не дѣлали.

Сильно обрадовался славный Сеидъ Гассанъ, узнавъ, что большіе красные кораллы водятся не за тридевять морей и оке-

ановъ а тутъ же, по близости его родного острова. Обрадовалась и Фатимэ, и Мирра, и всѣ придворные; объ этой великой радости было объявлено и народу. И ему было велѣно непремѣнно радоваться вмѣстѣ съ прекрасной Фатимэ. А счастливый Омеръ, за свое открытіе, получилъ изъ рукъ самого Сеида Гассана большую золотую звѣзду на шелковую чалму.

***

Снова кликнулъ кличъ славный султанъ Сеидъ Гассанъ по всѣмъ своимъ владѣньямъ,—нѣтъ ли искусныхъ водолазовъ, желающихъ попытать счастья на страшномъ Бурунѣ Смерти. Рабамъ султанъ обѣщалъ свободу, бѣднякамъ обѣщалъ по мѣшку съ золотомъ, богатымъ—почести, а непослушнымъ—палку. Приказъ султана читали улемы и муллы на площадяхъ и по мечетямъ. Народъ слушалъ и волновался, и прославлялъ премудраго султана за то, что онъ такъ любитъ свою прекрасную дочь, для счастья которой не жалѣетъ ничего и никого. Находились охотники прельщенные обѣщанными наградами, запуганные угрозами. Каждый день отплывали отъ береговъ прекраснаго острова по нѣсколько большихъ лодокъ, которыя направлялись къ Буруну Смерти,—пробовать свои силы на страшномъ мѣстѣ.

Скоро понялъ славный повелитель Сеидъ Гассанъ, что радовался онъ раньше времени. Ни одинъ, самый искусный водолазъ не сумѣлъ достать ни одного хорошаго коралла изъ пучины морской. Нѣсколько человѣкъ потонуло; нѣсколько другихъ бѣдняковъ попались въ страшные зубы акулы. Иныхъ захватили осьминоги и задушили подъ сводами кораллового лѣса.

Скоро настало такое время, что ни одинъ водолазъ не захотѣлъ больше искать себѣ счастья въ пучинѣ Буруна Смерти. Пробовали ловить кораллы сѣтками, но такимъ способомъ были вытащено со дна лишь нѣсколько поломанныхъ коралловъ бѣлаго цвѣта, да нѣсколько небольшихъ коралловъ красныхъ. Ни тѣ, ни другіе не годились для короны красавицы Фатимэ.

Грозный Сеидъ Гассанъ былъ недоволенъ. Плакала прекрасная Фатимэ. Не знали, чѣмъ утѣшить ее Мирра и другія невольницы. Озабоченный и грустный ходилъ первый вельможа Омеръ. Суетились и шептались въ великомъ безпокойствѣ и замѣшательствѣ другіе придворные. Они тоже были печальны. Велѣно было горевать и горожанамъ, и всему народу.

***

Сеидъ Гассанъ, наконецъ, разсердился. «Что это такое?— воскликнулъ онъ въ гнѣвѣ и озлобленія.—Кто, наконецъ, сильнѣе,—кораллы или я? Развѣ они работаютъ не въ моемъ владѣніи? Развѣ не я ихъ господинъ? Нѣтъ, во что бы то ни стало нужно достать негодныхъ и положить конецъ ихъ неповиновенію!»

Тотчасъ же былъ отданъ приказъ собрать самыхъ крѣпкихъ и здоровыхъ рабовъ со всего острова, обучить ихъ хорошенько, какъ нырять и плавать, и затѣмъ—насильно вести ихъ на работу къ страшному Буруну Смерти.

Опытные водолазы занялись обученіемъ рабовъ. Обучали ихъ и днемъ, и ночью. Обучали недѣлю, другую, и мѣсяцъ, и еще мѣсяцъ. И казалось первому вельможѣ Омеру, дѣло обученія идетъ какъ будто на ладъ.

А Фатимэ все плакала и плакала, все хотѣла и хотѣла сколь можно скорѣе имѣть на своей головѣ коралловую корону. Никакія другія короны уже не удовлетворяли ее. Даже черная Мирра стала безпокоиться за свою госпожу. Безпокоился и султанъ, и первый вельможа Омеръ, и придворные; велѣно было безпокоиться и горожанамъ, и всему народу.

Наконецъ, отправилась лодка съ искусными водолазами рабами къ страшному Буруну. Одинъ за другимъ стали опускаться въ воду темнокожіе водолазы. Кто не шелъ добровольно, того гнали палками и кнутами. Погибали одни, заставляли нырять другихъ. Погибали эти—бросали въ воду третьихъ...

А коралловъ все не было да не было. Надсмотрщики злились, и если изъ-подъ воды показывался какой-либо бѣдняга водолазъ, только что избавившійся величайшимъ трудомъ отъ мучительной смерти, на него сыпались удары кулака, кнута и палки. И люди снова прыгали въ воду и исчезали въ волнахъ для того, чтобы больше никогда не показываться оттуда...

Не прошло и нѣсколькихъ дней, какъ всѣ водолазы-рабы погибли. Это было очень грусно. Чтобы не опечаливать Фатимэ, султанъ запретилъ своимъ придворнымъ говорить ей о гибели водолазовъ-рабовъ.

А кораллы въ глубинѣ моря работали да работали попрежнему, не зная и не вѣдая, какое горе причиняють они тѣмъ, что еще живутъ, прекрасной Фатимэ и ея отцу, и брату, и придворнымъ, и водолазамъ, и великому множеству другихъ людей.

**
*

Опять дошелъ радостный слухъ до перваго вельможи Омера. Вотъ что онъ узналъ отъ одного своего служителя.

На далекомъ и глухомъ концѣ острова Аки-Агренара есть бѣдная рыбачья деревушка. Въ этой деревушкѣ живетъ нѣкій человѣкъ, по имени Али. Ему лѣтъ двадцать пять или тридцать. Такихъ здоровыхъ и крѣпкихъ людей мало не только на островѣ Аки-Агренарѣ, но и на всѣхъ сосѣднихъ островахъ. Еще очень недавно Али былъ самымъ крѣпкимъ и самымъ опытнымъ водолазомъ. Но вотъ два года тому назадъ онъ женился и взялъ себѣ такую же бѣдную, хотя и очень красивую и добрую жену. Послѣ этого бросилъ Али свое прежнее ремесло, сталъ теперь добывать себѣ хлѣбъ, работая на поляхъ и садахъ, принадлежащихъ Омеру и другимъ богатымъ людямъ острова.

Али былъ самый опытный водолазъ на всемъ островѣ. Про него разсказывали, что онъ могъ нырять сажень на сорокъ въ глубину моря. Не разъ бывало, что подъ водой онъ сражался съ акулой и побѣждалъ ее. Бывало и такъ, что онъ убивалъ осьминога, однимъ ударомъ ножа поражая его въ голову. Для крѣпкаго Али навѣрно ничего не стоитъ достать со дна хоть самый большой кораллъ, какіе только есть на Бурунѣ Смерти.

И правда, изъ всѣхъ водолазовъ острова Аки-Агренера только одинъ Али могъ сдѣлать трудное и опасное дѣло—добыть красный кораллъ для короны красавицы Фатимэ.

Одна была бѣда, Али ни за что не хотѣлъ больше заниматься ловлей кораловъ. Онъ хотѣлъ жить, какъ жилъ—въ своей соломенной хижинѣ, вмѣстѣ со своей семьей и годовалымъ ребенкомъ.

У Али не было своей земли; потому что онъ съ самаго рожденія жилъ на чужой. У него не было ни дворца, ни дома, потому что они стоятъ очень большихъ денегъ и требуютъ для

постройки очень много человѣческаго труда. Потому Али жилъ въ шалашѣ изъ сухихъ вѣтвей и соломы. Случалось не разъ, что вѣтеръ уносилъ его шалашъ въ море. Тогда Али сооружалъ другой шалашъ, а то вмѣсто шалаша выкапывалъ себѣ яму и жилъ въ ней. Онъ глубоко былъ убѣжденъ, что жить такъ—еще можно, а то и должно, потому такова ужъ воля Аллаха. Случалось нерѣдко, что Али нечего было ѣсть, потому что заработки его все же были плохи и ихъ едва хватало на одежду да на казенные платежи. Но и съ этой бѣдой Али кое-какъ справлялся: иной разъ не доѣдалъ, иной разъ глоталъ глину, потому что онъ отлично понималъ, какой грѣхъ смотрѣть съ вожделѣніемъ на роскошные финики, которые хотя и росли у него передъ носомъ, но, по волѣ Аллаха, были заготовлены совсѣмъ не для него. Али не даромъ хвалился тѣмъ, что умѣлъ голодать, а тѣ, на кого онъ работалъ, хвалили его самого за то, что онъ не жалуется. Горсть риса была для Али великимъ лакомствомъ, а ракушки, выброшенныя моремъ,—отличнымъ обѣдомъ. Бѣда была только въ томъ, что горсть риса все же нужно покупать,—никто не даетъ ее даромъ, а ракушекъ хоть и много валяется на морскомъ берегу, но никто не даетъ за нихъ денегъ. Ловля коралловъ плохо кормила Али: въ карманѣ у него было всегда пусто. Али считалъ себя очень богатымъ, если у него въ шалашѣ была мѣрка рису. Однимъ только дорожилъ Али—жизнью. Онъ очень любилъ жизнь,—и небо, и звѣзды, и солнечный свѣтъ, и неугомонное море, и птичье пѣніе въ чащѣ зелени, и любовь, и ласку своей красивой жены, и улыбку своего черноглазаго малютки. Все, въ чемъ выражалась жизнь, Али очень любилъ. Разумѣется, очень печально, что приходится нерѣдко голодать, но все же голодъ слабѣе жизни,—живутъ и голодные люди, и не только живутъ, а еще и какъ хотятъ жить! Любя жизнь, Али отказался отъ опаснаго ремесла водолаза. Любя жизнь, Али забирался сколь возможно дальше отъ людей и мечталъ только объ одномъ,—чтобы его поскорѣе забыли, чтобы его никто не трогалъ. Отработалъ да сдалъ работу—ну и бери. гроши такъ гроши, но дай за нее, затѣмъ никому нѣтъ дѣла до Али и его семейства. «Я—одинъ!—думалъ Али.—И мнѣ нѣтъ дѣла до другихъ».

И казалось ему, что жизнь его устроена совершенно какъ слѣдуетъ,—совсѣмъ такъ, какъ самимъ Аллахомъ на роду написано. Работать съ утра до ночи повелѣлъ Аллахъ,—слава Аллаху. Голодать иной разъ по нѣскольку дней положилъ Аллахъ, и да благословенно его имя! Хоть и хорошо бы иной разъ мно-

го взять мало дать, но что же подѣлаешь,—можно жить и обратнымъ способомъ, много давая, мало беря. По волѣ Аллаха у него не было земли, по волѣ Аллаха не было дома, не было времени свободнаго ни ночью ни днемъ. За то была жизнь, его собственная жизнь. Ну, ее то онъ никому не отдастъ, развѣ что возмутъ силой. Ну, и на это воля Аллаха и его представителя на землѣ—славнаго и могучаго султана Сеидъ Гассана...

Отыскали Али посланные перваго вельможи Омера. Они пришли къ нему и сказали ему:

— Эй, ты дохлая собака! Иди сейчасъ же за нами—тебя требуетъ къ себѣ нашъ господинъ, твой повелитель. А не пойдешь добромъ,—поведемъ силою.

Заплакала, поблѣднѣла жена Али. Заревѣлъ благимъ матомъ его ребенокъ.

— Зачѣмъ я вамъ понадобился?—спросилъ Али.—Я ничего худого не сдѣлалъ. Работаю съ утра до ночи. Платежи, какіе на мнѣ лежатъ, плачу исправно. Я никого не трогаю—не трогайте вы меня..

— Ну, не разговаривай,—пойдемъ, узнаешь!

Посланные перваго вельможи потащили Али прямо во дворецъ къ Омеру. Тотъ уже давно съ нетерпѣніемъ поджидалъ его, хотя и зналъ, что ни за какія деньги не захочетъ Али опускаться въ страшныя пучины Буруна Смерти.

— Али!—воскликнулъ первый вельможа.—Знаешь ли ты, гдѣ ты живешь?

— Знаю,—отвѣчалъ Али, опустивъ голову.

— Знаешь ли ты, что Аллахъ, какъ бриліантовая звѣзда, блеститъ надъ султаномъ, султанъ, какъ золотая, блеститъ надо мной, а я, какъ серебрянная звѣзда, блещу надъ тобой?

— Знаю!—отвѣчалъ еще печальнѣе Али. Онъ чуялъ, что его ждетъ что то очень недоброе; какая то бѣда виситъ надъ его головою.

— Али!—Крѣпки твои руки, а ихъ все же можно сломать и отрубить. Крѣпки твои мышцы, а ихъ все же можно разрѣзать ножемъ и растерзать клещами. Али, не тому ли ты принадлежишь и душой и тѣломъ, кто сильнѣе тебя? Не тотъ ли тебя кормитъ, на кого ты работаешь, и не умрешь ли и ты, и твоя семья съ голоду, если не будетъ у тебя ни рукъ, ни ногъ?

— Умру, господинъ,—отвѣчалъ Али, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Али, ты живешь теперь по собачьи. Такъ собаки живутъ въ конурахъ да въ ямахъ. А хочешь ли ты жить какъ человѣкъ, и съ твоей женой, и съ ребенкомъ?

Али замялся и не зналъ, что отвѣтить. Онъ совершенно не понималъ въ эту минуту, долженъ ли человѣкъ, то-есть человѣкческое существо, жить такъ, какъ живетъ онъ, Али, или такъ, какъ живетъ этотъ знатный вельможа?..

— Ты живешь какъ волъ,—продолжалъ вельможа.—А я хочу сдѣлать изъ тебя погонщика воловъ.

Али опять не понималъ, кѣмъ лучше быть,—воломъ или погонщикомъ воловъ?

— Что же я долженъ сдѣлать?—спросилъ онъ Омера.

— Достать съ морского дна большой красный кораллъ для короны прекрасной Фатимэ! Есть такіе кораллы, ты знаешь, на подводныхъ скалахъ Буруна Смерти!

Услыхавъ эти слова, Али поблѣднѣлъ еще больше и затрясся еще сильнѣе. Онъ нѣсколько мгновеній молчалъ, а когда стало нельзя молчать дальше, онъ пробормоталъ могильнымъ голосомъ:

— Не могу, господинъ,—у меня жена, ребенокъ...

Хорошо ли онъ сдѣлалъ, что такъ отвѣчалъ своему повелителю, серебрянной звѣздѣ своего небосвода? Али побоялся сказать, да онъ, можетъ быть, и самъ не понималъ, что ему не хочется добывать коралла для султановой дочери только потому, что очень ужъ хочется жить. Не зналъ онъ и не вѣдалъ и того, понимаетъ это славный Омеръ или нѣтъ?

Омеръ разсердился, и затопалъ ногами, и закричалъ:

— Я вытяну изъ тебя жилы! Я сломаю твои ноги и руки! Я кожу сдеру съ твоихъ плечъ!

— О, господинъ,—сказалъ на это Али.—Ты все можешь сдѣлать со мною, но послѣ такихъ твоихъ дѣлъ я ужъ навѣрно не добуду коралла: мнѣ нечѣмъ будетъ его добывать.

Разсерженный Омеръ въ гнѣвѣ вышелъ изъ комнаты и хлопнулъ дверью, а непокорнаго Али велѣлъ отвести въ тюрьму.

— Такъ ему и нужно!—сказали придворные.—Али кру-

томъ виноватъ. Этотъ человѣкъ не дѣлаетъ того, чего хочетъ султанъ. Воля Али вдругъ идетъ противъ воли могучаго, славнаго Сеидъ Гассана Великолѣпнаго! Пылинка споритъ съ горой... капля воды съ океаномъ! Какое наказаніе подходитъ къ такому преступленію?

А Али сидѣлъ въ это время въ тюрьмѣ и думалъ горькую думу. Все ему хотѣлось понять, чѣмъ провинился онъ передъ султаномъ? Ужъ не тѣмъ ли, что ему такъ хочется жить? Но вѣдь и на это воля Аллаха! Никто другой, какъ Аллахъ, вложилъ въ его тѣло такую душу, а въ душу такое желаніе жить... А если онъ вложилъ, такъ ужъ зналъ, зачѣмъ дѣлаетъ это. И не его, Али, дѣло разбирать, зачѣмъ Аллахъ такъ сдѣлалъ, хотя, разумѣется и было бы интересно знать, зачѣмъ.

Просидѣлъ Али въ тюрьмѣ дня три-четыре. Въ это время сильно волновался первый вельможа Омеръ. Волновался и Сеидъ Гассанъ, и прекрасная Фатимэ. Бить и казнить Али—смысла нѣтъ, потому что именно его тѣло, его крѣпость и сила нужны для того, чтобы добыть кораллъ. Запугать Али—какимъ способомъ его запугаешь? Имущества у него нѣтъ, а сдѣлать его жизнь еще хуже, чѣмъ она была—никакъ невозможно: хуже его живутъ только голодныя собаки, да и тѣмъ лучше живется, потому что онѣ не обязаны работать. Только и остается что убѣдить Али, упросить его. Рѣшилъ первый министръ Омеръ собрать хитрыхъ законниковъ, методичныхъ придворныхъ мудрецовъ, умѣющихъ играть мудреными и учеными словами, словно мячикомъ. Никто лучше этихъ людей на всемъ островѣ Аки-Агрепарѣ не умѣлъ доказывать, что бѣлое—черно, а черное—бѣло, что худое лучше хорошаго, и что дважды два не четыре, а «сколько вамъ угодно».

Представили бѣднаго Али на собраніе этихъ людей. Стали они, говорить передъ нимъ длинныя рѣчи, доказывать ему и разъяснять, какой онъ глупый и не разсудительный человѣкъ,—не хочетъ своего блага!

— Не погибнешь самъ подъ водой,—замучаютъ тебя надъ водой и на землѣ. Здѣсь навѣрно замучаютъ, а тамъ, быть можетъ-еще добудешь и себѣ, и своей семьѣ на вѣки вѣчные и счастье, и богатство, и покой! Ну, говори, чего ты хочешь, что по твоему лучше: умереть за своего повелителя или по приказу повелителя?

— Я предпочитаю,—отвѣчалъ, дрожа и запинаясь, Али, я предпочитаю... жить, какъ жилъ.

Снова принялись ученые люди убѣждать Али. Но что они ни говорили, чего ни доказывали, онъ попрежнему твердилъ,

что его собачья жизнь все же лучше собачьей смерти. Плюнули законовѣды, подивились его глупости. Для пущей убѣдительности ихъ рѣчей первый вельможа Омеръ подозвалъ къ себѣ Али и тутъ же далъ ему со всего размаха нѣсколько ударовъ по лицу. Но и это не убѣдило Али.

Снова отвели его въ тюрьму и усадили тамъ недѣли на двѣ. А время шло да шло. А Фатимэ все хотѣла и хотѣла, и все плакала. А кораллы на днѣ морскомъ все работали да работали, росли да росли. И не было имъ никакого дѣла до того, что творится на землѣ.

***

Еще разъ рѣшилъ попытать счастья первый вельможа Омеръ. Призвалъ онъ къ себѣ самаго умнаго, самаго хитраго придворнаго муллу. Это былъ старый, престарый человѣкъ, про котораго всѣ говорили, что онъ хитрѣе адскаго змѣя и умнѣе Аллаха. Омеръ сказалъ этому муллѣ:

— Помоги моему горю. Убѣди Али послужить своему султану, своей родинѣ! У Али есть и руки, и ноги,—и очень крѣпкія и сильныя руки и ноги,—и здоровая грудь, а онъ хочетъ распоряжаться ими самъ, не желаетъ, чтобы ими распоряжались другіе!

Мулла подумалъ, подумалъ и спросилъ:

— А кто эти другіе?

— Нашъ славный Сеидъ Гассанъ, его дочь красавица вселенной Фатимэ, я—Омеръ, и другіе вѣрные служители... Не совершаетъ ли этотъ презрѣнный Али великаго грѣха противъ Аллаха?

Мулла опять подумалъ-подумалъ и сказалъ:

— Да, Али совершаетъ великій грѣхъ.

— Можешь ли ты, святой отецъ, оборудовать это дѣло?—спросилъ Омеръ.

— Могу, могу, но только съ помощью Аллаха!

— Помоги же нашему славному Сеидъ Гассану! Отри слезы печали съ прекрасныхъ глазъ его дочери! И великая награда ожидаетъ тебя, старикъ, не только на небѣ, а и на землѣ.

Мулла опять подумалъ-подумалъ и сталъ дѣйствовать. Прежде всего онъ пошелъ къ женѣ Али, которая въ это время сидѣла голодная вмѣстѣ съ ребенкомъ въ сырой и вонючей ямѣ, служившей имъ вмѣсто жилья. Мулла цѣлый часъ читалъ ей разныя изреченія изъ Корана. Изъ этихъ изреченій яснѣе божьяго дня было видно, что великія муки ожидаютъ и Али, и его жену, и ребенка за дерзновенное противленіе велѣніямъ повелителя земли. Передъ загробными мученіями совершенные пу-

стяжи страданіе и горе на землѣ. Жизнь—это мигъ, а смерть—вѣчность. Джины (злые духи) безъ конца будутъ терзать тѣло огненными клещами; ребенокъ безъ конца будетъ кипѣть въ расплавленномъ свинцѣ. За то какія великія наслажденія ожидаютъ благочестиваго мусульманина, положившаго свою душу за своего ближняго, иначе сказать, за Великолѣпнаго, за его красавицу дочь, такую несчастную, страдающую!

Жена Али слушала рѣчь муллы съ замираніемъ сердца. Она и дрожала, и плакала, и не хотѣлось уступать ей въ этой жизни, но еще больше страшила ее та невѣдомая жизнь: здѣсь худо, а тамъ будетъ еще хуже... Нѣтъ, надо, надо убѣдить бѣднаго Али, чтобы онъ послушалъ увѣщаній добраго, святого человѣка.

Поговоривъ съ женой Али, мулла пошелъ къ самому Али и еще больше говорилъ съ нимъ объ ужасахъ мусульманскаго ада. «Адъ для такихъ то и созданъ, каковъ, напримѣръ, ты!», говорилъ мулла. «Зато великое счастье ожидаетъ тебя въ раю, если ты исполнишь волю султана: передъ тобою откроются двери рая, и ты будешь жить тамъ вѣки вѣчные».

Али стало страшно, такъ страшно, какъ никогда не было. До этого времени онъ все думалъ, что если ему на землѣ живется плохо, такъ хоть послѣ смерти будетъ хорошо. А тутъ пришелъ этотъ сѣдой, умный человѣкъ, столь начитанный въ священномъ Коранѣ, и отнялъ у него и послѣднюю надежду...

Мулла ушелъ, а Али сталъ думать грустную думу. Пришла къ нему его жена съ ребенкомъ и тоже стала думать ту же печальную думу. И понялъ наконецъ Али, что и вправду онъ, Али, не хорошій и грѣшный человѣкъ, что какъ никакъ онъ долженъ хоть одинъ разокъ нырнуть въ страшныя пучины Буруна Смерти. А тамъ—быть тому, что будетъ. Что на роду написано, того вѣдь не миновать...

Али отъ самаго рожденія былъ человѣкъ очень благочестивый и вѣрующій.

***

Снова показались лодки у Буруна Смерти. Такъ и мелькали ихъ разноцвѣтныя кормы, подбрасываемыя волнами прибоя. Бѣлѣли ихъ паруса надъ зелеными волнами моря, красиво выдѣляясь на синевѣ неба.

Али собралъ всѣ свои силы. Онъ опоясалъ себя крѣпкимъ кожаннымъ поясомъ, прикрѣпилъ къ нему острый стальной кинжалъ; обвязалъ себя веревкою, крѣпко накрѣпко зажалъ себѣ ногами большой увѣсистый камень, расправилъ могучую грудь и прыгнулъ въ воду.

Изъ сосѣднихъ лодокъ люди били изо всей силы палками по водѣ, отпугивая страшныхъ акулъ. Съ замиранiемъ сердца ожидалъ первый вельможа Омеръ, когда, наконецъ, покажется черная голова Али, его темнокожее ливо, его широкiя плечи.

Прошла минута, долгая минута. А Али все не было. Прошла и другая минута, а Али все нѣтъ. Такъ же бывало и съ другими водолазами: скрылся подъ водою—и пропалъ навсегда.

Сильно замирало сердце Омера.

Вдругъ задергалась веревка, задергалась сильнѣй и сильнѣй. Крѣпкiя руки рабовъ ухватились за нее и дернули вверхъ, что есть силы. Вотъ показалась и голова Али. Лицо водолаза посинѣло, глаза налились кровью. Онъ дышалъ тяжело, тяжело.

Никакого коралла не было у него въ рукахъ.

Не легко далось Али его подводное путешествiе. Подъ водой, на глубинѣ двадцати саженъ, ему пришлось бороться и съ акулами, и съ осьминогомъ.

Изъ этой борьбы онъ вышелъ побѣдителемъ. Но не легко далась ему побѣда. Онъ былъ на волосокъ отъ смерти.

— Видѣлъ ли ты кораллъ?—спросилъ у него Омеръ.

— Видѣлъ, видѣлъ!—отвѣчалъ Али, тяжело дыша.—О, господинъ, у этого самаго коралла лежатъ два огромныхъ осьминога. Я долженъ побѣдить этихъ чудовищъ. Я долженъ сражаться съ ними въ темнотѣ, подъ сводами коралловъ. Я долженъ нырять на глубину тридцати саженъ. О, господинъ, пощади! Велики силы человѣческiя, но все же человѣкъ не рыба и не морской звѣрь.

Первый вельможа Омеръ и не слышалъ, и слушать не хотѣлъ, что говорилъ Али. Одно только онъ слышалъ, что Али увидѣлъ наконецъ красный большой кораллъ, тотъ самый кораллъ, какой надо... Остальное все было пустяки.

— Отдохни, отдохни!—сказалъ онъ милостиво Али.—А затѣмъ принимайся опять за дѣло.

Отдыхался немного Али и опять скрылся подъ водою. Снова началась тамъ ожесточенная борьба. Задергалась веревка, запуталась. Сильно натянули ее рабы, сидѣвшiе въ лодкахъ. Вдругъ веревка оборвалась, словно перерѣзанная чѣмъ то ос-

трымъ. Сильно дрогнуло сердце у перваго вельможи Омера. «Сорвался кораллъ! О, негодный человѣкъ! Онъ невѣрно обманетъ всѣ наши ожиданія»!

Показалась изъ подъ воды голова Али. Лицо его было еще темнѣе прежняго. Руки дрожали еще больше. Грудь дышала еще тяжелѣй.

— Гдѣ кораллъ? Говори, гдѣ кораллъ?—закричалъ на него Омеръ.—Такъ то ты умѣешь служить своему повелителю, проклятый богоотступникъ!

Али тяжело дышалъ и ничего не могъ говорить. Наконецъ онъ отдышался немного, и сказалъ:

— О, господинъ, не гнѣвайся! Кораллъ будетъ, я его видѣлъ и отломалъ, я привяжу къ нему веревку и мы извлечемъ его изъ воды...

Али въ изнеможеніи упалъ на палубу судна и нѣсколько минутъ пролежалъ словно мертвецъ. Прошло полчаса, прошелъ, можетъ быть, и часъ. Наконецъ отдышался Али и въ третій разъ скрылся подъ водой.

Въ великомъ нетерпѣніи шагалъ по палубѣ первый вельможа Омеръ. Если и на этотъ разъ Али не достанетъ коралла, онъ, Омеръ, убьетъ его, какъ собаку, а тѣло его броситъ на съѣденіе морскимъ звѣрямъ!..

Солнце уже подвигалось къ закату. Алѣло небо. Темнѣе и темнѣе становилось море. Въ глубокую темноту погружалось пучина морская. Что же красный кораллъ? Скоро и вечеръ наступитъ! Неужели откладывать дѣло опять до слѣдующаго дня?

Изъ-подъ воды показалась опять голова Али. Взглянулъ на нее Омеръ и не узналъ. Не Али это былъ, а словно какой-то мертвецъ. Все лицо у него было багрово-синее; налитые кровью глаза вышли изъ орбитъ. Али уже не дышалъ,—онъ какъ будто глоталъ въ себя воздухъ...

— Гдѣ кораллъ? Говори, гдѣ кораллъ?—еще громче закричалъ на него Омеръ.

— Будетъ!—отвѣчалъ могильнымъ голосомъ Али и безъ чувствъ повалился на палубу.

Рабы изо всѣхъ силъ ухватились за веревку, къ которой Али привязалъ подъ драгоцѣнный кораллъ. Потихоньку, осторожно потянули они кораллъ наверхъ. Съ великимъ нетерпѣніемъ, съ содроганіемъ сердца ожидалъ первый вельможа Омеръ когда же, наконецъ, будетъ кораллъ въ его рукахъ.

Наконецъ, показался кораллъ и надъ водою.

— О, проклятіе!О, злая насмѣшка неба!—воскликнулъ въ страшномъ озлобленіи Омеръ.

Коралъ, добытый съ такими невѣроятными усиліями, былъ бѣлый, а не красный.

— Слышишь ты, собака! Слышишь, сынъ ада! Какой коралъ ты добылъ съ морского дна?

Омеръ подбѣжалъ къ Али, который по-прежнему лежалъ безъ памяти на палубѣ судна. Онъ схватилъ бѣлый кораллъ обѣими руками и въ дикой злобѣ бросилъ имъ прямо въ грудь Али.

Въ эту самую минуту кровь ручьемъ хлынула изъ горла Али, прямо на кораллъ. И въ одно мгновеніе кораллъ сдѣлался изъ бѣлаго краснымъ.

* *
*

Умеръ Али. Къ тѣлу его привязали тяжелый камень и бросили въ море. Красный кораллъ привезли во дворецъ и обрадовали имъ прекрасную Фатимэ. Радовалась Фатимэ, что, наконецъ-то, очутился въ ея рукахъ такой большой, такой красивый кораллъ. Радовался и славный могучій султанъ Сеидъ Гассанъ, радовался и вѣрный его слуга Омеръ, и хитроумный мулла, и черная Мирра и невольницы, и придворные, и горожане; и велѣно было радоваться и поселянамъ, и всему народу.

Изъ коралла самые искусные токари и золотыхъ дѣлъ мастера сдѣлали чудную, невиданную корону. Султанъ не жалѣлъ для нея изумрудовъ, ни рубиновъ, ни брилльянтовъ, ни жемчуга, ни золота, ни серебра. Корона не блестѣла, а горѣла, переливаясь лучами радуги. Прекрасная Фатимэ стала въ этой коронѣ еще прекраснѣе. Она стояла передъ зеркаломъ по цѣлымъ часамъ и любовалась на самое себя и говорила:

— Какъ хороша жизнь! Ахъ, какъ хороша жизнь! Какъ пріятно жить, сознавая, что тебя цѣнятъ, тебя любятъ, ради тебя, готовы пожертвовать жизнью! Бѣдный Али! Бѣдный, милый Али!

Ее очень растрогало, когда черная Мирра разсказала ей исторію водолаза. Правда, Мирра кой о чемъ молчала,—зачѣмъ огорчать красавицу съ такою нѣжною, чуткой, отзывчивой душой? Но все же Мирра сказала, что Али погибъ, доставая кораллъ со дна моря.

Прекрасная Фатимэ придумала для Али высшую награду: она повелѣла вырѣзать его имя на самой коронѣ.

Отецъ и первый министръ сильно противились этому, но Фатимэ все же настояла на своемъ. Она отъ души жалѣла бѣднаго Али и даже проронила о немъ нѣсколько слезинокъ. Но первый вельможа и сѣдой хитроумный мулла скоро ее утѣшили:

— О, жемчужина Гвардарамы! — воскликнулъ мулла. — Ты у насъ одна, а такихъ, как? Али — много.

Коралла хватило не только на одну корону для Фатимэ. Остатки пошли первому министру Омеру. Тотъ повелѣлъ сдѣлать изъ нихъ ожерелье и браслеты для своей любимой жены, а что осталось, отдалъ муллѣ. Мулла подѣлился съ другими придворными, тѣ подѣлились еще кое съ кѣмъ. Словомъ сказать, кораллъ, добытый вѣрнымъ Али, послужилъ на пользу и на счастье многимъ.

Кораллъ принесъ благополучіе и женѣ Али, и его сыну: въ порывѣ милосердія, славный могущественный султанъ Сеидъ Гассанъ позволилъ имъ до самой ихъ смерти жить на задворкахъ султанова дворца и питаться остатками отъ его обѣда.

***

А подъ волнами океана, вокругъ счастливаго острова Аки-Агренара, работали, да работали кораллы.

Много коралловъ выловлено и поломано людьми, — но вмѣсто взятыхъ и поломанныхъ растутъ да растутъ новые. Работаютъ кораллы, добывая себѣ пищу и вылавливая известь изъ морской воды. Нѣтъ у нихъ голодныхъ, всѣ сыты: удачливые и способные работаютъ на неудачливыхъ и неспособныхъ. Сколько полипъ можетъ, столько и отдаетъ; сколько ему нужно, столько и беретъ.

Живутъ себѣ полипы подъ волнами бушующаго моря, созидая скалы и горы, и острова, созидая новую землю для новыхъ людей, — людей будущаго.

Цѣна 20 сентовъ.